

АНТИОХ КАНТЕМИР И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ ВО ФРАНЦИИ

Н. Д. Блудилина

Русский поэт Антиох Дмитриевич Кантемир (1709–1744) — яркая личность русского Просвещения. Исследование неизвестных до сих пор писем и документов с учётом уже опубликованных материалов дают возможность получить достаточно цельное представление об интересе А. Д. Кантемира к французской литературе и его знакомствах в культурной среде Парижа.

А. Д. Кантемир «впитал» французскую культуру с ранней юности. Именно «французь» были образцом для раннего творчества Кантемира:

Что дал Гораций, занял у француза.
О, коль собой бедна моя муза!
Да верна; ума хоть пределы узки,
Что взял по-галльски — заплатил по-русски¹.

Долгое время литературным идеалом поэта оставались сатиры Буало, сочинения которого он считал «всею Франции чудо»². Кантемир их переводил на русский язык в 1726–1728 гг.³ Интерес Кантемира к научно-популярной литературе французского просвещения особо проявился в его увлечении Фонтенелем: в 1730 г. он перевёл его знаменитое сочинение «Рассуждение о множестве миров»⁴.

Близко с французской культурой Кантемир познакомился за границей, когда после шестилетнего пребывания русским резидентом в Англии⁵, он был назначен в марте 1738 г. российским посланником в Париже⁶.

Париж не пришёлся по душе русскому поэту. В его письмах всё больше проявлялось недовольство и разочарование парижской действительностью. «Эта страна не для меня» — мотив многих посланий Кантемира к друзьям: «Эта местность хороша для охотников и для любителей обедов и игр, все эти три достоинства, слава Богу, полностью у меня отсутствуют»⁷. «Вы слишком любите пребывать в Париже, чтобы сумели понять меня, отчего я здесь так скучаю», — писал Кантемир своему другу и коллеге Азеведо⁸.

У Кантемира не было недостатка в числе парижских знакомых из культурных кругов.

Особого внимания заслуживает дружба Кантемира с маркизой Монконсей, которая была известна своими англофильскими настроениями. Он познакомился с ней ещё в 1735 г. Она ввела его в парижский свет в 1738 г. Маркиза писала русскому посланнику с 1736 по 1738 гг. о самых разнообразных вещах: о событиях в обществе, в литературе и музыке, как в Англии, так и во Франции. Она выказывала широкую осведомлённость в искусстве и в литературе, обладала завидной начитанностью, большим художественным вкусом и владела «ангельским пером»⁹. Кантемир дорожил самостоятельностью суждений маркизы, не разделявшей многих расхожих взглядов: «Вы не боитесь риска пойти против моды, когда высказываете ту или

иную мысль»¹⁰. Маркиза Монконсей относилась к русскому поэту также с большим уважением и писала, что он был «возвышенным в области литературы»¹¹. Суждения в письмах маркизы позволяют предполагать, что она знакомила русского поэта с новинками французской литературы, в частности, сообщала об одном юном драматурге, который работал над трагедией на евангельскую тему. В ответном письме Кантемир отвергал возможность сценической трактовки жизни Иисуса Христа¹².

Высокообразованный русский дипломат был желанным гостем в литературных салонах. Первым среди них в этот период был салон герцогини Анны-Шарлотты д'Эгийон (1683–1750)¹³. Её гостями были писатели и философы: Вольтер, Монтескье, Мопертюи, Ж.-Ж. Руссо и др. В 1734 г. она заступилась за Вольтера, высланного из Франции за свои «Философские письма»¹⁴. Вольтер в благодарность прислал ей в подарок «Историю Карла XII» и «Генриаду»¹⁵.

Герцогиня д'Эгийон была талантливым переводчицей с английского. В 1758 г. вышел её перевод «Послания Элоизы Абеяру» Попа и в 1762 г. «Катона» Макферсона¹⁶.

Кантемир принадлежал к числу близких друзей гостеприимной герцогини¹⁷. В 1749 г. благодаря её хлопотам были изданы во французском переводе сатиры русского поэта. Об этом упоминается в примечаниях к «Частным письмам Монтескье»: «Она была дружна с князем Кантемиром, и это по ее инициативе были изданы его сатиры на французском языке»¹⁸.

Возможно, что «Письма о природе и человеке» Кантемира были посвящены французской герцогине. В русском издании на титуле отмечено: «...одиннадцати писем от князя Кантемира бывшего во Франции, писанных к одной тамошней госпоже об которой он не именовал»¹⁹.

В парижском периоде жизни А. Кантемира важную роль сыграл аббат граф Октавиан де Гуаско (1712–1781). После смерти русского поэта он издал его сатиры на французском языке с подробной его биографией («*Satyres du Prince Cantemir*»)²⁰. На всякий случай он подстраховался тем, что в выходных данных книги указал Лондон, а издателем выставил фиктивное лицо по имени «*Jean Nourse*». На самом деле сатиры были в 1749 г. напечатаны в Голландии и в 1750 г. — в Париже²¹.

Граф Гуаско — итальянец, избравший духовную карьеру, — вынужден был жить на чужбине: его свободомыслие вызвало подозрения инквизиции в Италии. Аббат Гуаско, обладавший обширной эрудицией, привлек к себе внимание Монтескье, между ними завязались дружеские отношения и оживлённая переписка²². В их письмах дружески упоминается имя Кантемира. Они все вместе встречались в салоне герцогини д'Эгийон²³. Поэтому не случайно Кантемир решил переводить «Персидские письма» Монтескье. К сожалению, этот перевод не сохранился²⁴.

Примечательным документом является письмо французского философа к аббату Гуаско от 1 августа 1744 г., где он выражает скорбь в связи с кончиной князя Кантемира: «Ваш обличитель нравов мертв, но я утешаю себя тем, что поэт останется с нами в своих произведениях. <...> Вы, возможно, найдете других друзей, но России нелегко будет заменить посла, обладавшего такими достоинствами, как князь Кантемир»²⁵.

У Кантемира и аббата Гуаско был общий знакомый — математик и физик, естествоиспытатель и философ Мопертюи (1698–1759). На протяжении двух лет он консультировал русского поэта по математике, в результате появилась работа Кантемира «Введение в алгебру» (к сожалению, рукопись утрачена)²⁶. По ходатайству Кантемира в 1738 г. Мопертюи получил диплом почётного члена Петербургской академии наук, лично вручённый ему русским поэтом²⁷. Встречались они в салоне герцогини д'Эгийон. У них были общие темы для философских бесед: Мопертюи был последователем ньютоновской натурфилософии, склонность к ней, как известно, проявлял и Кантемир. Они оба рассматривали вопрос о целесообразности природы, но решали его различно в своих трудах: Кантемир в «Письмах о природе и человеке» (1743), Мопертюи в «Эссе о философии и морали» (1749). Французский естествоиспытатель сомневался в возможности законченного познания вселенной и предлагал удовольствоваться рассмотрением математической необходимости существующих отношений в природе. Во введении к своему философскому трактату он отметил, что благодарен русскому поэту за его поддержку в создании этого труда. Благодаря Мопертюи Кантемир смог познакомиться с Вольтером²⁸.

По отношению к фернейскому патриарху Кантемир сначала проявил мало интереса. Переписка Кантемира с маркизой де Монконсей 1737 г. показывает, что русский поэт был обстоятельно знаком с «Историей Карла XII» Вольтера, которая не произвела на него большого впечатления. Он критически отозвался о недостаточном знании автором причин событий. 29 ноября 1736 г. Кантемир писал маркизе (об «Истории Карла XII» и «Письмах об английской нации»), по сути высмеивая французского писателя, посягнувшего на историю: «Как видите, мадам, это нечто вроде двух пьес Вольтера. Сей автор, как мне кажется, в большинстве своих произведений выступает как человек, который кичится сочинениями о вещах, в которых он мало разбирается. Его “Истории Карла XII” — роман, а не история, а “Письма об англичанах” — это разговоры, которые он слышал в лондонских кафе. Я бы ему посоветовал писать сатиры и эпиграммы, а не заниматься философией»²⁹. Когда Кантемир узнал, что французский писатель работает над статьёй о философии Ньютона, русский поэт иронизировал в письме к маркизе от 21 января 1737 г., что Вольтер напишет роман о философии Ньютона наподобие романа о короле Карле XII³⁰.

В чём причина такого неприятия сатириком Кантемиром остроумца Вольтера? По-видимому, в его насмешливо-критической манере письма, которая приемлема в сфере беллетристики и публицистики, а не в истории и философии. Вольтер, не считаясь с авторитетами, щеголял своим остроумием. Кантемир предпочитал основательность и правдивость не только в дипломатической, но и в литературной деятельности.

Существовала и личная причина его антипатии к Вольтеру, который осудил в своей «Истории Карла XII» переход на сторону Петра I отца Кантемира, считая это предательством молдавского господаря. По словам Вольтера, Дмитрию Кантемиру было выгодно изменить султану и перейти на сторону христианского властителя³¹.

Оба писателя не были знакомы лично, их общение происходило лишь через обмен письмами. Вольтер заинтересовался «Историей Оттоманской империи»

Д. Кантемира. Он в соответствии с новыми данными, содержащимися в этом труде, хотел скорректировать вновь издаваемую «Историю Карла XII».

Между Вольтером и А. Кантемиром завязалась переписка на тему пересылки латинского текста труда Д. Кантемира³². Вольтер писал: «Я имею честь вернуть Вашему сиятельству Историю Оттоманов, каковую Вы мне одолжили, и делаю это с сожалением. Я многое понял из чтения ее»³³. Он также обещал, что в новом издании исправит соответствующий абзац, касающийся Дмитрия Кантемира. Однако его обещания не были выполнены. Остаётся лишь гадать, почему в издании «Истории Карла XII» 1751 г. сделаны лишь незначительные исправления, и прежняя формулировка о Д. Кантемире: «Он обманул турецкого султана, своего благодетеля» — осталась³⁴.

В то время французский писатель вынашивал замысел написания «Истории Российской империи при Петре Великом»³⁵. В ходе переписки Вольтер попросил отрецензировать Кантемира полученные от И. Г. Фокеродта материалы по России (см. прим. выше). Так неожиданно Кантемир стал судьёй своему учителю.

Переписка их завершается хвалебным гимном в адрес русского поэта и дипломата, который не переносил лести: «Я знаю, что вам доступны плоды и цветы всех климатов, языки современные и древние, Вам равно доступны философия и поэзия. Ваш дух подобен Вашей самодержавной империи, которая распространяется в различных климатических зонах, которая занимает половину нашего полушария»³⁶.

Возможно, под влиянием переписки с Вольтером Кантемир стал со временем испытывать к его творчеству больше симпатии. Русский поэт, например, в своей седьмой сатире, написанной во Франции, использовал цитату из знаменитой эпической поэмы Вольтера «Генриада»: «Стих сей кажется быть подражание следующего Вольтера Генриада, песнь I, ст. 11: *Tel brille au second rang qui s'éclipse au premier*»³⁷.

Сочинения Вольтера со временем нашли также место в библиотеке Кантемира, что, конечно, является «знаковым» событием, ибо русский поэт очень тщательно подбирал свою библиотеку и случайных книг там не было. Кантемир после 1740 г. приобрёл 4-томное собрание сочинений Вольтера и в 1744 г. отдельное издание его трагедии «Меропа» (№ 723). Русский поэт даже пытался переводить французского пиита, которым он ещё недавно пренебрегал. В письме от 17 октября 1743 г. к графу Воронцову Кантемир приложил рифмованный русский перевод стихотворения Вольтера «Две любви», где осуждается краткое и поверхностное увлечение и воспевается подлинная и прочная любовь³⁸.

В библиотеке Кантемира, насчитывавшей более 900 названий, преобладали французские книги. О литературном развитии русского поэта можно судить по годам их издания и приобретения.

Среди книг, вышедших до 1737 г.: «Басни» Лафонтена (1732, № 578); «Поэтические произведения мадам Дезульер» (№ 285); «Новые диалоги мертвых» Фенелона (Амстердам 1719, № 86); сочинения Буало в 4 томах (1729, № 569); произведения Реньера (Лондон 1729, № 151); «Басни» де ла Мота (№ 509); «Характеры» Лабрюйера в 2 томах (Амстердам 1729, № 304); «Персидские письма» Монтескье (Лондон 1735, № 199).

Большое место занимают культурно-исторические романы о знаменитых женщинах: Пьер Брантом, «Галантные женщины древности» в 3 томах (Амстердам 1736, № 198) и «Знаменитые француженки» (Гаага 1731, № 200); прециозные романы мадам де Лафайет «Принцесса Клевская» (Париж 1735, № 840) и «Заида. Испанская история» (1721, № 840); «Женщины двенадцати цезарей» в 3 томах (Амстердам, № 10).

Изучение библиотеки Кантемира показывает, что вместе с напыщенными, по моде того времени, романами, он интересовался сатирическими и дидактическим сочинениями с социально-критической тенденцией.

Первый — это Жан Луи Гез де Бальзак (1591–1654), знаменитый своими образцовыми по стилю произведениями прозы. В библиотеке представлены два издания знаменитых «Писем» (№ 52), «Беседы» (№ 57); «Принц» (№ 402); «Аристипп» (№ 403) и ещё семь названий его книг (№ 404–410).

Второй — Поль Скаррон (1610–1660), с его бурлеском, высмеивающим пороки абсолютизма и духовенства: «Переодетый Вергилий» (Париж 1734, № 584), «Комический роман» (Париж 1733, № 580) и др.

К драме французского классицизма русский поэт поначалу интереса не проявил. До 1738 г. среди его книг не было трагедий Пьера Корнеля (1606–1684), а Жан Расин (1639–1699) был представлен лишь двухтомником (Париж 1736, № 576).

Кантемир живо интересовался комедией. Об этом свидетельствует 8-томник (№ 570) Мольера (1622–1673), а также сочинения Реньяра (1656–1709), правдивого бытописателя, но посредственного философа-моралиста (№ 574). Были у него и сочинения (1734, № 839) Эдме Бурсо (1638–1701), противника Мольера.

Особо среди современных русскому поэту французских авторов в его библиотеке следует назвать дидактически-просветительные произведения Фонтенеля (1657–1757): «Разные сочинения» в 2 томах (Гаага 1722, № 244), «Ответы на вопросы по истории оракула» в 2 томах (Амстердам 1707, № 255), «Похвальные слова академика» в 2 томах (Гаага 1721, № 282). Его «Рассуждение о множестве миров» Кантемир перевёл ещё в России в 1730 г.

Из сочинений Вольтера, которого Кантемир недолюбливал, мы находим в его книгах до 1738 г. только «Историю Карла XII» (Амстердам 1735) и «Элементы философии Ньютона»³⁹, 4-томное издание сочинений Вольтера он приобрёл уже в 1740 г. (№ 575).

Можно утверждать, что русский поэт и до своего переезда в Париж обладал достаточным выбором художественной литературы на французском языке.

Кантемир, живя во Франции, с 1738 г. проявляет интерес и к классической драматургии, и к новым драматическим жанрам. В его библиотеке появляются сочинения Пьера Корнеля в 6 томах (№ 571) и Томаса Корнеля в 5 томах (№ 572), изданные в Париже в 1738 г. На его полках появляются в начале 1740-х гг. произведения «новой» драматургии: двухтомник «слёзных комедий» де ла Шоссе (1741, № 577); сочинения (1742, № 573) Кребийона Старшего (1674–1762), создателя «трагедии ужасов»; драмы (1743, № 585) популярного тогда Жан-Батиста Руссо (1670–1741), верного приверженца Буало; трагедия «Меропа» Вольтера (1744, № 723).

Увлечение русского поэта новыми тенденциями в литературе проявилось и в выборе произведений современной французской прозы: Лесаж (1668–1747), «Хромой бес» (Амстердам 1739, № 600); Прево (1697–1763), «История кавалера де Грие и Манон Леско» (№ 676); Кребийон Младший (1707–1777), «Танзай и Надарне» (1734, № 391) и «Софа» (1740, № 678); Шарль Дюкло (1704–1772), романы «Исповедь графа ***» и «Графиня Люэ», напечатанные под одной обложкой (1741, № 677); «Мемуары графа де Грамона, изданные графом Гамильтоном» (Гаага 1741); сочинение мадам де Тенсин (1681–1749) «Мемуары графа Коммингеса» (1739, № 673); поучительные и реалистичные «Письма мадам де Савиньи к своей дочери» в шести томах (1738, № 665).

Все эти книги предоставляли Кантемиру материал для размышлений о современном обществе: о бессмысленности праздной жизни в городской светской суеде. Поэт под конец жизни всё больше был занят поисками смысла бытия в образе естественной жизни, близкой к природе, вдали от двора и большого города. Эти духовные переживания нашли отражение в его шестой сатире «О истинном блаженстве» (1738) и в «Письмах о природе и человеке» (1743).

Не случайно, наряду с большим количеством изданий по истории на французском языке, у Кантемира были в большом почёте книги по естествознанию и математике. Это свидетельствует, что он серьёзно относился не только к проблемам изучения общественного человеческого бытия, но исследованию законов природы — *натурфилософии*.

Философскую основу при этом составляли труды ведущих мыслителей эпохи Просвещения. Во главе их убеждений стояло самосознание человеческого разума. Картезианская попытка рационализировать весь мир, выраженная сначала как чисто научная система, впоследствии перешла в практическую веру в силу разума. Это было современное Кантемиру мировоззрение, пробудившееся тогда к осознанию собственного совершеннолетия и требовавшее повсюду права — мышлению самому предписывать себе законы, находить при помощи разумного подхода принципы всякой деятельности и не признавать над собой никакого иного судьи.

Французская философия Просвещения была в большей степени не умозрительной, а радикальной и деятельной: она постоянно приходила в самое живое соприкосновение с задачами общественной жизни, в том числе и искусства.

Кантемир, по-видимому, понимал силу влияния нового мышления на современную французскую литературу: направленность на аналитическое постижение действительности и поиск адекватных художественных форм отражения нового самосознания. Во французской литературе (иногда границы между искусством и философией были стёрты, как у Вольтера) смелее, резче и сильнее выражались новые воззрения, порой в поражающих и парадоксальных, живых и образных формулировках, сильнее воздействующих на читателя, чем выкладки холодного английского ума.

Возможно, поэтому русский поэт проявлял к французской философии более живой интерес: в его библиотеке она представлена достаточно полно (есть даже ряд книг французских философов, запрещённых на родине и изданных в Амстердаме).

Главное место в ней занимают труды Рене Декарта (1596–1650), родоначальника рационализма: «Человек» (№ 350), «Рассуждение о методе» (№ 353), «Размышление о первой философии» (№ 351), «Мир, или Трактат о свете» (№ 694) и 6-томник его «Писем» с резюме «Принципы философии Декарта» (№ 352). Есть и трёхтомный «Курс философии» (№ 332) его ученика Режи (1632–1707). Декарт, приняв во внимание обобщающий характер всякой науки, указал, что исходная точка мышления должна лежать в его центре, и нашёл этот центр в самосознании разума⁴⁰.

Кантемира привлекали и современные мистические теории, которые, покоясь на религиозном интересе, выросли из неудовлетворения испытываемого религиозным чувством при развитии картезианства. Из христианских французских мыслителей на первом месте в библиотеке Кантемира были сочинения Блеза Паскаля (1623–1662): «Мысли о религии» (Париж 1725, № 246) и «Письма к провинциалу» в трёх томах (Амстердам 1735, № 253).

Отрешившись от математических и натурфилософских исследований, великий математик Паскаль, как истинный христианин, считал: то лучшее, что человек в состоянии познать, есть Божество и благодать, которой оно искупляет человека, и это знание даётся не разумом, но чистым и смиренным сердцем. Душа имеет своё собственное знание, до которого разум не достигает, ибо сердце желает большего, чем то, что оно может непосредственно найти в действительности, и большего, чем то, что поддаётся математическому доказательству. Богопознание сердца, проповедуемое Паскалем, есть религия любви, которая выделяется как чуждая общественному идейному фону своего времени⁴¹.

Чтение упомянутых выше западных философов оказало определённое влияние на русского поэта: с 1740 г. (в последние годы своей жизни) Кантемир занялся философствованием, в результате которого был написан трактат «Письма о природе и человеке» (1743). Это сочинение следует разделять на две части: первая — переработанный, частично исправленный перевод из книги Фенелона «О существовании Бога»; вторая — оригинальные, сочинённые самим Кантемиром письма. В «Письмах» поэт не поучал, а обращался к последующим поколениям: «...буду все писать, что буду слышать или видеть, хотя тем пусть остается память в свете, что я свой век везде для всех трудился»⁴².

В первой части произведения Кантемир на основе астрономических и естественно-научных данных книги Фенелона намеревался, используя индуктивный метод Декарта и научный подход Ньютона, представить читателям огромный механизм мироздания в духе просвещения: Вселенная – Земля – Человек, — как нечто научно-познаваемое и четко-определённое, а не как сверхъестественное и таинственное. Русский поэт поставил своей задачей доказать существование неземного создателя на основе рационалистического анализа процессов в природе в их взаимосвязи, когда мир предстаёт как гармонически функционирующий механизм, который должен иметь творца. Творца, который создал мир и предусмотрел одновременно с этим все законы и явления природы, да к тому же и определив судьбу каждого человека. Кантемир выбрал космологическо-теологическое доказательство

существование Бога в духе естественной религии, сознательно отказавшись от перевода второй части книги Фенелона, где бытие Божие доказывается абстрактными философскими аргументами.

Форма «Писем» свидетельствует, что в творчестве русского поэта начался новый период, не без влияния современных ему веяний в европейских литературах: отдаление от классицизма, которому он следовал в своих стихах и сатирах. В «Письмах» появились отображения внутренних переживаний поэта и описания природы, мало свойственные классицизму, но характерные для сентиментализма: «Как скоро солнце свет нам станет обещати, я уж готов идти в прекрасное поле или в луга, украшенные весною. Один, ходя там, рассуждаю, коль весело жить можно и в пустыне... Когда солнце зноем своим станет беспокоить, я в свой шалашик возвращаюсь и сидя с мертвыми друзьями рассуждаю... В прохладный вечер пойду к источнику и сяду там; птички меня увеселят»⁴³.

Под конец жизни, совсем больной, преследуемый служебными неприятностями, Кантемир мечтал о бегстве из сутолоки большого города, об отшельнической жизни на природе, где бы скрашивали его одиночество книги — «мёртвые друзья». В основе «Писем» заключалась выстраданная им идея ухода от шумной и позорной жизни в городах в природу, где можно обрести покой и необходимый душе мир. Русский поэт предвосхитил призыв Ж.-Ж. Руссо — «назад к природе».

Кантемир в первой части «Писем», отдавая дань господствовавшей в его эпоху идее «естественной религии», во второй их части уходит от рационального мирозерцания и обращается к познанию жизни сердцем, исполненным любви, заглушающей в человеке эгоизм и ведущей к Богу.

Русский поэт, обзрев свою жизнь, откровенно писал: «Я искусился в несчастливый век мой, но счастлив тем, что познал мое заблуждение, и я то увидел, как праздны и тщетны суть намерения наши в жизни и как бесполезны все искания веселой и благополучной жизни, когда она зависит от единого произволения Всевышней Власти; ныне скажу, Псаломнику согласно: “Благо мне, яко смирил мя еси, да научуся заповедям Твоим”»⁴⁴.

¹ Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 237.

² Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867. Т. 1. С. 249.

³ См.: Шкляр И. В. Приписываемые А. Д. Кантемиру переводы сатир Буало и оригинальные сатиры Кантемира // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.—Л., 1961. С. 248—259.

⁴ Пекарский П. История императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 215.

⁵ ПФА РАН. Р. I. Оп. 2. № 3. Л. 139.

⁶ Ehrhard M. Le prince Cantemir à Paris. Paris, 1938. S. 41—42.

⁷ Перевод // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726—1762). Вып. 2. М., 2003. С. 112. Оригинал см.: МИД АВПРИ. Ф. Парижская миссия, 1738 г. Д. 7. Л. 94 об.

⁸ Перевод // Блудовина Н. Д. Запад в русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 152. Оригинал см.: МИД АВПРИ. Ф. Парижская миссия, 1738 г. Д. 7. Л. 73 об.

- ⁹ Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1903. Т. 73. С. 107.
- ¹⁰ Там же. С. 70.
- ¹¹ Там же. С. 76.
- ¹² Там же. С. 61.
- ¹³ См.: *Histoire des salons de Paris*. Paris, 1893. Bl. 2.
- ¹⁴ *Jobes A. La France sous Louis XV*. Paris, 1866. S. 137.
- ¹⁵ *Œuvres de Voltaire*. Ausgabe von Beuchot. Paris, 1830. Bd. LI. S. 467–468.
- ¹⁶ *P. d'Esrée et A. Callet. La Duchesse d'Aiguillon*. Paris, 1912. S. 21.
- ¹⁷ *Lozinski G. Le prince Cantemir et la police parisienne* // *Le Monde slave*, 1925. Н. 2. S. 228.
- ¹⁸ *Lettres familières du Président de Montesquieu à divers amis d'Italie*. Rome, 1767. S. 64.
- ¹⁹ РНБ РО. Ф. QXV. Л. 24.
- ²⁰ См.: *Грассгоф Ф.* Первые переводы сатир А. Д. Кантемира // *Международные связи русской литературы*. М.–Л., 1963. С. 101–107.
- ²¹ *Гершкович З. И.* А. Д. Кантемир. Проблемы мировоззрения и литературной деятельности: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Л., 1953. С. 8.
- ²² *Sorel A. Montesquieu*. Paris, 1896. S. 40–41.
- ²³ *Œuvres de Montesquieu*. Paris, 1955. Bd. III. S. 1526.
- ²⁴ *Кантемир А. Д.* Сочинения... Т. 2. С. 453.
- ²⁵ *Lettres familières du Président de Montesquieu...* S. 47–48.
- ²⁶ *Кантемир А. Д.* Сочинения... Т. 2. С. 453.
- ²⁷ Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. С. 123.
- ²⁸ См.: *Brunet P. Maupertuis*. Paris, 1929. Bd. II. S. 30–32.
- ²⁹ Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. С. 64.
- ³⁰ Там же. С. 71.
- ³¹ *Кантемир А. Д.* Сочинения... Т. 2. С. 435.
- ³² См.: Там же. С. 435–440.
- ³³ Там же. С. 439.
- ³⁴ Там же. С. 436.
- ³⁵ Труд был написан только в 1756–1763 гг., когда Вольтеру по распоряжению императрицы Елизаветы были предоставлены, при посредничестве Шувалова и Ломоносова, необходимые материалы. См.: *Платонова Н.* Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом» // *Литературное наследство*. М., 1939. Т. 33–34. С. 1–24.
- ³⁶ Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. С. 142.
- ³⁷ *Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений... С. 172.
- ³⁸ Там же. С. 355, 501.
- ³⁹ *Прийма Ф. Я.* Вступительная статья // *Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 22–23.
- ⁴⁰ См.: *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. М., 2000. Т. 1. От Возрождения до Просвещения. С. 179–206.
- ⁴¹ Там же. С. 380–382.
- ⁴² *Кантемир А. Д.* Сочинения... Т. 2. С. 24.
- ⁴³ Там же. С. 24–25.
- ⁴⁴ Там же. С. 23.